

Т-78
ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1-го М. Г. У.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. А. И. НЕКРАСОВА

Издательство 1-го Московского Государственного Университета
МОСКВА

1927

Э-91

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

902.7
Э91

Т Р У Д Ы

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

1-го М. Г. У.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ проф. А. И. НЕКРАСОВА

Издательство 1-го Московского Государственного Университета
МОСКВА 1927

БИБЛИОТЕКА
Инт. Л. 2150

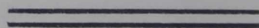
ПРОВЕРКА

W

От редактора

Настоящий сборник Трудов Этно-Арх. Музея 1-го М. Г. У. составил как из работ по кафедрам, обслуживаемым Музеем (восемь статей, из них одна — работа студента), так из публикаций памятников, принадлежащих Музею (три статьи). В конце дается краткая хроника Музея за время 1 марта—31 декабря 1926 г., имевшее большое значение в жизни и развитии Музея.

Сравнительно с предыдущими выпусками, увеличение размеров сборника и полнота научных дисциплин, в нем представленных (этнография, археология, палеография, искусствознание) уже сами указывают, что предпринятый Музеем опыт ввести в свою деятельность научное издательство оказался правильным. Как из содержания статей сборника, так и из хроники Музея видно, что Музей вошел в общую жизнь Этнологического Факультета, найдя себе почву во всех отделениях Факультета. Следует надеяться, что Труды Музея завоюют себе подобающее место также и за пределами Этнологического Факультета 1-го М. Г. У.

К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии.

В сложном вопросе о форме первичных брачных и семейных отношений человечества довольно видное место занимала характеристика и оценка описанных Гауитом (Howitt, а также Спенсером и Гилленом (Spencer a. Gillen) некоторых форм брачных отношений у австралийских племен Dieri и Urabunna. Действительно, если твердо придерживаться указаний названных авторов, то описанные ими формы брачных отношений—*riggaugu* у Dieri, *rigaungaru* у Urabunna могут быть приняты, как весьма веский аргумент в пользу сторонников теории группового брака и еще более широких брачных отношений, существовавших до возникновения индивидуализированного парного брака. В самом деле, Гауит считает, что у Dieri имеется лишь „зародыш индивидуального брака“, что у них „каждая женщина потенциально групповая жена“¹⁾. У описывающих гораздо менее ясную практику брака *rigaungaru* у Urabunna Спенсера и Гиллена утверждения, тем не менее, еще более категоричны—„Индивидуальный брак не существует ни по имени, ни на практике в племени Urabunna“ или „Нет такого явления, как индивидуальная жена“²⁾. Таким образом, если точно придерживаться общих заверений этих австраловедов, вопрос может считаться вполне решенным. И, тем не менее, возникают сомнения в точности и полной достоверности этих и более и менее категорических утверждений.

Чисто формальным доводом, но уже ставящим эти утверждения под знак вопроса является следующий: ни Гауит, ни Спенсер (Гиллен здесь вряд ли при чем) не являются чистыми наблюдателями, но сторонниками определенной теории происхождения брака и семьи. Разумеется—„чистое наблюдение“ даже в описательной этнографии явление сравнительно редкое. Сознательно или незнательно известная теоретическая установка может часто влиять на описание сделанных этнографических наблюдений и тем самым понижать их непосредственную ценность. В таком случае задачей этнолога является очищение данного материала от теоретических шлаков,—иначе говоря, необходимая для историка культуры критика источников. Гауит и Спенсер несколько не скрывают, что заключения об их наблюдениях укладываются в рамки вполне определенной теории. Так, для Спенсера все его наблюдения о брачных отношениях туземцев центральной Австралии свидетельствуют о трех фазах развития в истории австралийской семьи,³⁾: 1) Современного нормального состояния индиви-

1) Howitt. The native tribes of South East Australia. Lond. 1904, p. 179.

2) Spencer a. Gillen. The native tribes of Central Australia. Lond. 1899., p. 63, 108.

3) Spencer a. Gill. op. cit., p. 108.

дуального брака, 2) более ранней поры действительного группового брака и 3) еще более раннего времени, еще более широких брачных отношений. Основой для наблюдений Гауита является гипотетическое существование в австралийской древности так называемой „неразделенной коммуны“ (Undivided Commune)¹⁾, откуда он выводит целый ряд явлений социального быта Австралии. Именно поэтому те чрезвычайно ценные сведения, которые даются в трудах названных исследователей, должны быть всегда принимаемы с известной долей осторожности. Тем более это касается до приведенных выше их утверждений общего характера.

Переходя теперь к более детальному анализу брачных отношений *riggaugu* и *rigaungaru*, следует прежде всего указать на чрезвычайную неточность тех типических понятий, которыми оперируют названные исследователи. Это прежде всего касается самого понятия „брак“. Несомненной заслугой Вестермарка следует считать установление того, что „брак есть нечто большее, чем урегулированная половая связь. Это есть экономическое учреждение“²⁾, что „имеется существенная разница между браком и просто половыми отношениями, хотя последние были бы и санкционированы обычаем“. И. Малиновский, несомненно, прав, отмечая, что подчеркивание „брачного характера отношений *riggaugu* и *rigaungaru* со стороны Гауита и Спенсера есть „вводящее в заблуждение преувеличение важности половой стороны брака“. Как раз работа Малиновского выяснила то огромное экономическое значение, которое брак имеет для австралийца и этим самым подчеркнула экономическое значение семьи на ранних стадиях технического и хозяйственного развития. По существу брачные отношения человечества более базируются на семье, как единице общежития, чем на сексуальной близости. Поэтому нельзя говорить о браке, основываясь только на наличии половых отношений, — иначе пришлось бы применять этот термин при целом ряде обрядов гостеприимства, аграрных обрядов, обрядов ритуального распутства, что являлось бы прямым извращением здравых методологических предпосылок. Точно так же неясен и неопределенен смысл столь важного для Гауита и Спенсера термина „групповой брак“, которому вообще мало посчастливилось в этнологической литературе. Здесь по справедливому замечанию Томаса, вся тяжесть вопроса заключается в значении понятия „группа“³⁾. У Гауита и Спенсера наблюдается совершенно недопустимое с точки зрения научной терминологии смешанное употребление этого понятия и в смысле группы имеющей в каком-либо отношении реальное бытие (напр. тотемическая группа) и для обозначения простой арифметической совокупности индивидов. Интересно, что эта терминологическая невыдержанность повлияла даже на такого трезвого исследователя, как Малиновский, который все же считает возможным говорить о „групповом“ характере отношений *riggaugu*⁴⁾. Между тем никакой „группы“ при этих отношениях не имеется. Теоретически мужчина *A* может состоять в отношениях *riggaugu* с женщинами *a, b, c*; женщина *a* с мужчинами *ABC*; женщина *b* с мужчинами *ADF*, женщина *c* с мужчинами *AFG* и т. д. Таким образом, в отношениях *riggaugu* мы постоянно можем иметь противоположение индивида — мужчины с некоторой группой женщин, между собой, кроме своих отношений к данному индивиду ничем не связанных и, наоборот, противоположение индивида — женщины с некоторой группой мужчин, опять-таки, кроме

1) Howitt. op. cit. p. 173 sq.

2) Westermarck. The history of human marriage. 5-th ed Lond. 1921. I, 26. 71.

3) Malinowski. The family among the Australian aborigines Lond. 1913 в p. 120.

4) Thomas. Kinship organisations a. g. rousp marriage in Australia Cambridge. 1906 p. 128.

5) Malinowski. Op. cit. p. 118.

своих отношений к данной женщине ничем не связанных. Разумеется, эти комбинации могут варьироваться, группы могут как бы пересекаться, но как правило, за исключением граничных случаев, будет всегда противоположение индивида одной или нескольким случайным и по случайному признаку объединенным группам, а не сочетание групп. Однако дело не только в теоретических неточностях Гауита и Спенсера—есть целый ряд неточностей и даже противоречий и в их конкретных описаниях. Одно из этих противоречий следует отметить немедленно. Гауит, описывая брачные практики Dieri, подробно описывает и существующий у них парный брак *tipra-malku* и только в своих теоретических комментариях тенденциозно характеризует этот тип брака, как только зародыш брака индивидуального. Спенсер поступает более своеобразно: после своих торжественных заверений о несуществовании у *Urabunna* индивидуального брака и индивидуальной жены, он неожиданно упоминает об „одной или нескольких из этих женщин *Nura*, доставшихся ему, как жены“ (*as wives*), и далее о „некоторых женщинах *Nura*, других нежели его собственные жены“ (*his own wives*)¹⁾. Это появление „собственных жен“ австралийца после отрицания даже существования индивидуального *resp.* парного брака чрезвычайно характерно для того смешения этнологической теории и этнографического наблюдения, которым не брезгует в своем изложении Спенсер. Наконец, самое описание института *pirrauru*, которое мы находим у Гауита, — описание института *piraugaru* у Спенсера до того общее, „nearly worthless“ по выражению Малиновского²⁾, что не дает достаточной почвы для исследователя, — возбуждает целый ряд недоуменных вопросов.

После описания существующего у Dieri парного брака *tipra-malku*, Гауит переходит к описанию отношений—для него они являются браком, *pirgaugu*. Прежде всего надо отметить, что для женщины предварительный парный брак *tipra-malku* обязателен, для мужчин же нет.³⁾ Под самыми же отношениями *pirrauru* Гауит понимает целый ряд довольно различных вещей. Здесь мы находим:⁴⁾ 1) Подобие группового брака между двумя братьями и двумя сестрами, которые все „обычно живут вместе“; 2) половые отношения, возникающие между вдовцом и женой его брата за определенный подарок; 3) половые отношения временного характера возникающие благодаря предоставлению хозяином своей жены гостю; 4) половые отношения, образующиеся вследствие особого социального веса данного индивидуума—его имущественного превосходства, силы и ловкости на охоте, особого успеха у женщин, и, наконец, занимаемого социального положения в совете стариков или в качестве вождя⁵⁾. В этом последнем смысле особенно интересен известный вождь Dieri,—*Jalina-Piranguala*, у которого было около 12 жен *pirrauru* в своем собственном племени и, кроме того, добавочные „почетные“ *pirgaugu* у соседних племен, среди которых он пользовался особым влиянием. Во всех этих случаях соблюдаются обычные нормы экзогамии. Уже из этого описания видно, что Гауит под отношениями *pirrauru* понимает явления довольно пестрого и разнородного характера. Может быть эта диспаратность сведений Гауита объясняется тем, что он не является в данном случае непосредственным наблюдателем, а лишь передает наблюдения Гэсона и Зибберта, но все же это обстоятельство заставляет сугубо критически отне-

1) Spencer a. Gill. op. cit. p. 109.

2) Malinowski Op. cit. p. 118.

3) Howitt. Op. cit. 181, 183.

4) Howitt, *ibid.*

5) Howitt. Op. cit. p. 184.

стись к попыткам ввести институт *riḡaḡu* в историю семьи и брачных отношений как искомое звено группового брака.

Зато в описании Гауита на целом ряде примеров показывается, что отношения *riḡaḡu* стоят на втором плане по сравнению с парным браком *tippa malku*¹⁾. Так, мужчина может осуществлять супружеские права по отношению к женщине, являющейся его *riḡaḡu*, только в отсутствие ее мужа *tippa-malku* и, наоборот, жена *tippa malku* имеет преимущество над женщиной *riḡaḡu* и в случае общей ночевки спит рядом с расположившимся около огня ее „законным“ мужем. Только в одном случае отношения *riḡaḡu* приобретают более реальный и „семейный“ характер— если жена *tippa-malku* умирает, то женщина *riḡaḡu* принимает на себя заботы о детях умершей и, по рассказу Гауита, заботится о них не как мачеха, но с нежностью.

Наиболее существенным вопросом при критическом анализе институтов *riḡaḡu* и *riḡaḡḡaḡu* несомненно является вопрос о происхождении этих явлений или, вернее, о той плоскости, в которой надо ожидать его разрешения. Здесь мы стоим перед альтернативой: либо эти институты являются пережитками „survivals“ каких-то более широких семейных союзов,—именно сюда клонятся соображения Гауита и Спенсера, либо эти институты являются благоприобретенными, продуктами исторической эволюции австралийского общества и притом продуктами весьма специфическими, свойственными, лишь „австралийской“ истории и даже развитию отдельных племен австралийского континента. Разрешение этой альтернативы возможно лишь при некоторой типизации тех явлений, которые у Гауита покрываются общим термином *riḡaḡu*. Судя и по самой характеристике покрывающихся этим термином у Гауита отношений и по дальнейшему его контексту признак социальной значимости данного индивида (мужчин) является самым существенным при их возникновении. Это становится еще более понятным, если принять во внимание чисто экономическое значение отношений *riḡaḡu*. Здесь Гауит отмечает целый ряд любопытнейших подробностей²⁾. Оказывается, что для мужчины чрезвычайно выгодно иметь наибольшее количество женщин *riḡaḡu*: ему приходится меньше утруждать себя охотой, так как его *riḡaḡu* снабжает его пищей при отсутствии „законного“ (*tippa malku*) мужа; более того он может приобретать особое влияние в племени, ссужая при случае своих *riḡaḡu* тем молодым людям, у которых своих *riḡaḡu* не имеется, за особые подарки, и таким образом собирать некоторое количество вещей, оружия, при чем все это приобретенное имущество в свою очередь обращается на раздачу подарков влиятельным членам племени для повышения своего собственного социального значения. Если принять во внимание социальную характеристику австралийского общества с его геронтократическим строем, со всеми привилегиями, которые в этом обществе существуют для старшей возрастной группы в виде выделения для нее особо лакомых частей пищи, снятия ряда пищевых табуаций, выделения для нее наиболее молодых и красивых женщин, то характер рассматриваемого института станет еще определеннее. Старики, отмечает Гауит, неодобрительно смотрят на молодого человека, имеющего жену *tippa-malku* или рано получающего *riḡaḡu*... Молодым людям говорят, что они черезчур молоды для женатой жизни, что они должны ждать до появления у них полной бороды“³⁾. В этих словах исследователя и заключается значение *riḡaḡu*, как института дополнительно обслуживающего олигархию стариков и наиболее сильных и влиятельных воинов и охотников пле-

1) Howitt, *ibid.*

2) Howitt. *Op. cit.* p. 184—185.

3) Howitt. *Op. cit.* p. 183.

мени. Отсюда становятся понятными и те не совсем вразумительные подробности, которые Гауит сообщает об обрядовой стороне заключения отношений *riḡaui* ¹⁾. Участие в этих обрядах главарей тотемических групп, а также совершение этих церемоний в большом масштабе, когда все женатые или могущие быть таковыми получают своих *riḡaui*, указывают, что влияние социальной среды в этих случаях крайне велико, что она имеет здесь почти решающее значение. В этом отношении совершенно прав крупнейший московский австраловед проф. А. Н. Максимов, настойчиво указывающий, „что в данном случае имеются совершенно специальные отношения, особо устанавливаемые для каждого отдельного лица, санкционируемые и контролируемые обществом“ ²⁾. Но эта социальная среда действует в уже сложившихся геронтократических рамках и тогда отношения *riḡaui* являются со стороны этой среды одним из способов сохранить и существующий порядок и социальное равновесие племени. С одной стороны, создание отношений *riḡaui* закрепляет положение наиболее влиятельных членов племени и даже создает между ними некую условную связь, а, с другой, повидимому, в более редких случаях, — ставит еще неженатых молодых людей в тесную зависимость от решений стариков, которые имеют право распределения женщин *riḡaui*. Экономическая ценность женщины и испытываемый молодыми людьми недостаток в женщинах, влекущий за собой иногда даже половые извращения, подобные педерастии, делают из института *riḡaui* своего рода предохранительный клапан для сохранения устойчивости данной общественной формы. Вестермарк также указывает, что „обычай *riḡaui* есть следствие сравнительной редкости женщин и эгоистической тирании стариков“ ³⁾. На эти же свойства *riḡaui* обращает внимание в упомянутой уже статье и проф. А. Н. Максимов, опять-таки подчеркивающий „институтивный“ характер этого явления, созданного для сохранения в племени внутреннего мира и обеспечения мужчин женщинами. ⁴⁾ Но особенно важными представляются все же экономическое значение и последствия данного института, а эти его свойства таковы, что позволяют сделать лишь одно заключение, что этот институт мог возникнуть лишь в таком обществе, где появились уже зачатки известной экономической и социальной дифференциации и поэтому отношения *riḡaui* являются не пережитком предполагаемых более широких брачных отношений древности, а исторически обусловленным явлением.

Есть даже гипотетическая возможность показать, что, по крайней мере, одна черта отношений *riḡaui* — предоставление уже замужней женщины неженатому молодому человеку является сравнительно поздней. Возможная у *Diegi* форма брака между материнским дедом и его внучкой имеет свой аналог в возможности подобного же брака на острове Пятидесятницы, открытого и описанного Риверсом. ⁵⁾ Рядом с этим браком на острове Пятидесятницы существовал столь же аномальный брак с женой материнского дяди. Для Риверса оба эти явления объясняются прежним существованием в Меланезии геронтократической олигархии, члены которой присваивали себе молодых женщин, мужьями которых они имели право быть. ⁶⁾ Результатом таких порядков было присвоение молодых женщин стариками, которые, в конце концов, принуждены были делиться своими женами с более молодыми людьми. В том случае, если старик

1) Howitt. Op. cit. p. 181.

2) Максимов. Групповой брак Этногр. Обзор. кн. 78. М. 1908. Стр. 21.

3) Westermarck. Op. cit. vol. III p. 256.

4) Максимов Op. cit стр. 36.

5) Rivers. The history of Melanesian society. Cambr. 1914. vol. I, 199, vol. II. 47

6) Rivers op. cit. vol. II., p. 59, 60.

отдавал одну из своих молодых жен сыну своей сестры и возникала вторая из упомянутых форм брака. Конечно, здесь мы имеем дело только с гипотезой, но гипотезой хорошо фундированной и вероподобной.

В таком случае, мы имеем подобие *pirrauru* и на меланезийской почве, так как возможно, что эта жена материнского дяди не сразу переходила к племяннику, а первый сохранял на нее в течение некоторого времени, может быть, и преимущественные права. Аналогичность социальных систем *Dieri* и дальней части Меланезии все же говорят за себя. Тогда отношения *pirrauru* являются уже плодом разложения геронтократического общества, при помощи которых геронтократия удовлетворяет нужды не только самых влиятельных членов племени, но иногда и просто молодых людей. Именно поэтому Гауит не говорит, что *pirrauru* пользуются старики, а дает знакомое уже перечисление чем-либо выдающихся членов племени. Но понятно и стремление геронтократии сохранить этот социальный регулятор, по возможности, в своих руках.

Как бы то ни было, можно с достаточной долей уверенности утверждать: 1) отношения *pirrauru* (или *piraungaru*) не являются браком в строгом смысле этого понятия; 2) в них нет элементов полового общения между двумя группами индивидов; 3) они служат, главным образом, признаком социальной значимости данного индивида и отчасти регулятором сложившихся при геронтократии половых отношений; 4) они не могут рассматриваться как пережиток более широких половых отношений общества более древней формации, но по своей экономической характеристике мыслимы лишь как исторически сложившийся институт на почве такого общества, где уже начали появляться первые признаки экономической и социальной дифференциации.

II. Преображенский.

Sur la question de la nature des mariages par groupes en Australia.

1) Les relations *pirrauru* (resp *piraungaru*) ne sont pas des mariages proprement dits.

2) Elles n'ont pas d'éléments de relations sexuelles entre deux groupes d'individus.

3) Elles servent principalement à désigner la position sociale de l'individu et partiellement comme regulateur des relations sexuelles, formées sous le régime de la gérontocratie.

4) Elles ne peuvent pas être considérées comme les restes des relations sexuelles plus larges dans une société plus ancienne, mais d'après leur caractère économique se font connaître comme une institution historique d'une société, où les premiers signes de la différenciation économique et sociale sont déjà parus.

Палланцы и Укинцы.

Предметом настоящей заметки будут две маленькие группы туземного населения Сибири, Палланцы и Укинцы. Палланцы живут на западном побережье северной Камчатки, от реки Тигиль до реки Лесной, и занимают шесть селений: Ваямполка, Ургинский выселок, Кахтана, Палан, Кинкиль и Лесное, с общей численностью населения, по данным переписи 1897 года, в 886 человек. Укинцы живут на противоположном восточном берегу северной Камчатки, между реками Озерной и Карагой, и занимают шесть селений: Озерное, Ука, Холюлино, Ивашка, Дранка и Карага. Число жителей в них было, по данным той же переписи 1897 года, 298 человек.

Относительно обоих этих групп мы сталкиваемся с любопытным разногласием в решении вопроса о принадлежности их к той или другой народности. Официально и Палланцы и Укинцы считались обрусевшими Камчадалами. К Камчадалам они были отнесены при производстве переписи 1897 года. Камчадалами же считают их и авторы писавшие о Камчатке на основании одних официальных данных, как например, Сильницкий или Ресин, при чем Сильницкий идет так далеко, что утверждает, будто севернее р. Тигиль, Камчадалы (т.-е. Палланцы) сохранили свой язык, что безусловно неверно, так как в настоящее время и Палланцы и Укинцы совершенно обрусели и говорят по-русски. В противоположность официальным источникам, большинство авторов, описывавших Камчатку на основании собственных наблюдений считают Палланцов и Укинцов не Камчадалами, а Коряками. Коряками их считают Крашенинников и Штеллер. Коряками их называет Дитмар, к Корякам причисляет их Иохельсон. К Корякам относит Палланцов и Тюшов, называющий в качестве самого северного камчадальского селения на западном берегу Камчатки Аминино, расположенное, правда, севернее реки Тигиль, но южнее Ваямполки, крайнего южного селения Палланцов. Наконец, к Корякам относит Палланцов и Укинцов и Патканов. Одним словом, все наиболее авторитетные исследователи населения Камчатки в данном случае единодушны и одинаково считают Палланцов и Укинцов Коряками. Казалось бы, что при таких условиях можно было бы отнестись к официальной точке зрения, видящей в этих двух группах не Коряков, а Камчадалов, как к курьезному недоразумению, не заслуживающему того, чтобы на нем останавливаться. Но при более внимательном рассмотрении вопроса оказывается, что он решается не так уж просто и что официальная точка зрения тоже имеет за себя известные основания и если она и основана на недоразумении, то это недоразумение во всяком случае очень давнего происхождения.

Для лучшего освещения этого вопроса я попробую разбраться хронологически в литературных указаниях на эти две группы, при чем

Миниатюрная гравюра пер. пол. XIX в.

В начале 1926 г. в Этнографо-Археологический Музей И. М. Г. У. поступил вделанный в запону, замечательно тонкой работы и высокохудожественного значения гравированный портрет-миниатюра, издаваемый здесь в натуральную величину (рис. 13).

Вдавленная снизу ножка запонки как будто говорит о более позднем ее происхождении, но к сожалению невозможно сказать достоверно, существовала ли ножка изначально или была приделана позже к маленькому, овальному плоскому медальону, потому что ножка припаивается обычно во всякого рода запонках безразлично.

Работа миниатюры заставляет подозревать прекрасного мастера. Ясные, твердые параллельно протекающие линии говорят о гравюре резцом. Резцом же, несмотря на крайне малые размеры нашей миниатюры, $5\frac{1}{2}$ л. дл. $\times$ 4 л. ширины, сделаны лицевые партии, причем штрих столь мелок, что производит впечатление пунктира. Гравер прибегает к утолщению линий в теневых местах. Фон заштрихован пересекающимися линиями—густая внизу, у плеч портрета, сетка становится легче и реже кверху, и над головой мы видим уже лишь параллельную штриховку, без пересекающих линий.

Рис. 13.

Гравюра обрезана, но на левом ее краю мы усматриваем конец штриховки, образующий линию овала, что совершенно уничтожает предположение о том, что портрет вырезан из какой-то большой групповой миниатюры или портрета в рост. Несомненно, портрет этот с самого начала был награвирован в наших размерах, и доска его точно ему отвечает.

Что касается до контурных линий, то мы должны отметить стремление гравера закрутить ее, дать завиток—так изгибаются линии обрамления волос, носа и губ. Пробор не имеет контурной линии, которую заменяют закругленные кончики штриховки волос. Академизм портрета лишает его резко индивидуальных черт и затрудняет поиски оригинала. Кто он?—один-ли из австрийских герцогов? или, что исторически вполне возможно, лицо русского происхождения, лишь облеченное в австрийский мундир, если принять, что белый мундир есть непременно австрийский.

Определение оригинала гравюры дало бы возможность отыскать и гравера, начертавшего прелестный портрет. Одно несомненно—датирование портрета первой половиной XIX в. и притом скорее ее серединой.

Было высказано предположение, что портрет представляет собою сына Бонапарта, герцога Рейхштадского. Однако лишь внешнее сходство мундира, орденов, прически напоминает известные юношеские портреты последнего. Круглое лицо, такие же брови, широкие выпуклые глаза с толстыми веками и, в общем, неприятное холодное и злое выражение

нашего портрета являются совершенно оригинальными. Портрет был приобретен у наследников генерала Н. И. Гартунга и по семейным преданиям является портретом юного Николая I, подаренным им Гартунгу. Уже это одно говорит за невозможность изображения на портрете сына Бонапарта, если вспомнить, с какой дружбой относился Николай I к Австрии и с какой безжалостностью уничтожал хотя бы и высокие произведения искусства, если только они с какой-либо точки зрения были ему враждебны. Проверить же справедливость семейного предания в отношении изображенного лица крайне трудно, так как отроческая иконография Николая I отсутствует. Кроме того неясно, когда мог состояться подарок. Николай I любил отмечать эпизод из своей юности—участие в смотре в Вертю, 1815 г., в составе Фанагорийского полка¹⁾, заслуженным офицером которого был Гартунг, уже имевший в это время отличия за Аустерлиц, Бородино и Лейпциг.

Не имел ли подарок меморативного значения? Впоследствии Гартунг был одним из наиболее близких лиц к Николаю I. Интерес последнего к гравюре известен.

О. Лаврова.

La gravure ci-jointe dans sa grandeur naturelle vient de la collection du Musée et se rapporte à la première moitié du XIX s.; cette gravure est enchassée dans un bouton de chemise en or; elle a été offerte par l'Empereur Nicolas I au général Hartung et d'après les traditions de la famille représente Nicolas I dans sa jeunesse.

---

¹⁾ Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб. 1903.

Отто Мюндлер.

(Музеографический этюд).

Имя, очень мало говорящее даже специалистам ¹⁾. Между тем оно принадлежит авторитетнейшему в свое время знатоку искусства ²⁾ того универсального или международного типа, который выработался в период 30—50-х г.г. прошлого столетия. Недаром Мюндлера относят к „славной троице атрибуторов“ ³⁾, два других имени из которой знакомы каждому студенту-искусствоведу—Кавальказелле и Вааген. Париж времени июльской монархии становится центром энергичнейшей мобилизации европейского капитала в руках нуворишей посленаполеоновской формации, с несомненным спекулятивным уклоном. Одним из выражений такого ажиотажа является охватившая всех лихорадка художественных аукционов, о которой писал Мюндлер в одной из своих корреспонденций из Парижа: одни продают художественные ценности для того, чтобы купить новые; другие покупают их для того, чтобы впоследствии продать; третьи просто распродают свои собрания, ничем к тому не побуждаемые; четвертые покупают, сами не зная, что они будут впоследствии с ними делать. Это ведет к организации специальной кампании акционеров, централизующей в своих руках весь художественный рынок и к 60-м годам доведшей годовую оборот фирмы до колоссальной суммы в 15 миллионов франков ⁴⁾, что в свою очередь порождает новый тип атрибутора-оценщика или эксперта, каким официально и был всю свою жизнь Отто Мюндлер. В отличие от прежних аукционных экспертов, задачей которых было главным образом документирование происхождения и, таким образом, „подлинности“ ⁵⁾ художественного произведения, теперь в роли эксперта выступает знаток, соединяющий в своем лице и другую специальность ученого специалиста в области истории искусства или художественного критика. Знаточество (Kennerschaft) получает новую социальную базу: оно является принадлежностью не столько коллекционера-люби-

¹⁾ Родился в 1811 году в Баварии. С 1835 года и до смерти (1870 г.) жил в Париже. Его довольно значительное собрание было распродано в Париже в 1871 (см. *Chronique des Beaux Arts*), а библиотека—у Вейгеля в Лейпциге в 1872 году. Некрологи Лютцова в „*Kunstchronik*“ (1870, № 14) и Любке в „*Zeitschrift für bildende Kunst*“, VI B. (1871).

²⁾ Отзывы Morelli, испытавшего на себе сильное влияние Мюндлера (см. Frizzoni, биографию Морелли, S. XXXV и Morelli, *Gallerie in München*), Викхова, Люттера и др.

³⁾ См. некролог Любке.

⁴⁾ *Guide de Paris*. 1867. Статья Burty „L'Hôtel de Veutes“ и *Jакмара Collections privées*—всего к этому времени насчитывается их в Париже свыше 300.

⁵⁾ *Ibid.* Как известно, наиболее упорно держатся труднее всего доказуемые традиции атрибуций. Чем дальше вглубь веков, однако, заходило приписывание художественного произведения какому-либо крупному мастеру, тем само собой, разумеется, выше была материальная ценность его.

теля, сколько профессионала-искусствоведа или музееведа. В этом последнем отношении и знаменательна более всего роль Мюндлера. Не будучи официально музейным деятелем, он сыграл совершенно исключительную роль в той главной отрасли музейной работы, которая и является собственно научной, а именно — области определения состава музейных собраний. Главные факты здесь таковы: а) первый критический обзор и пересмотр картин лучшего и наиболее популярного для своего времени луврского собрания (1850), сразу же обнаруживший в Мюндлере совершенно исключительную прозорливость и свободу от поверхностных традиций приписывания картин популярным мастерам¹⁾; б) подробные критические рецензии на новые каталоги мюнхенской пинакотeki (1865) и аугсбургской картинной галереи (1869), радикально отвергнувшие ряд официальных атрибуций музейной администрации²⁾; в) участие и руководство научно-популярными изданиями по брауншвейгской (1868) и кассельской (1870) галереям в офортах Унгера, являющимися до сих пор непревзойденными образцами тактичного и беспритязательного руководства, основанного на точнее проверенном фактическом материале³⁾; здесь — рядом с чеканно-ясным, академическим языком Вагена и по гальски живым изложением Бюрже (Торè), также принимавшего участие в описании — рельефно вырисовываются достоинства мюндлеровского текста; г) долготелная связь с лордом Истлейком (Eastlake), директором Лондонской Национальной Галереи, скрепленная многократными совместными поездками в Италию, го время которых Мюндлер являлся арбитром в вопросах приобретений для этого исключительно богатого шедеврами собрания⁴⁾; д) дополнения, сделанные во втором издании (1870) всемирно известного путеводителя по итальянским собраниям „Cicerone“ к первоначальному тексту Бурхардта, в огромном большинстве своем сохраненные и во всех позднейших многочисленных изданиях. Обяснения того факта, что выбор в этой ответственной задаче пал на Мюндлера, следует искать в широкой популярности последнего, как одного из лучших знатоков итальянского искусства. Репертуар весьма ценных, собиравшихся в течение ряда лет заметок — материалов к задуманному Мюндлером словарю художников — был положен в основание итальянского отдела известного словаря Юлиуса Мейера⁵⁾, этого первого опыта коллективной научной полиграфической работы в области искусствознания, ставшего отныне неременным спутником каждого музееведа и знатока искусства. Этот словарь должен был сменить другое, еще более популярное словарное руководство Наглера, полное ошибок и сведений, взятых из вторых и третьих рук. Главным грехом его в глазах Мюндлера было то, что Наглер „никогда и не видел многих из тех произведений, о которых писал“. Недаром ведь для того поколения атрибуторов и знатоков, к которому принадлежал Мюндлер, аутопсия была неременным условием научной работы. Неременным условием в свою очередь, аутопсии были постоянные путешествия по Европе, которые столь характерны для славной

1) Essai d'une analyse critique de la notice des tableaux italiens du Musée du Louvre par Otto Mü n d l e r. Paris. 1850, 12°, 228 p.

2) Первая в „Rezensionen über bild. Künste“. IV 49. 1865; вторая в Zft. f. v. K. 1868.

3) Meisterwerke der Braunschweiger Gallerie в Zft. f. b. K. 1868. и Die Gallerie zu Cassel in ihren Meisterwerke. Text von Otto Mü nd l e r. Leipzig. 1870.

4) С 1855 года состоял в должности официального эксперта Лондонской Галереи. Здесь следует исправить досадную оговорку Hofstede de Groot'a в его известном Каталоге художников (том, посвященный Гальсу), где упоминается о Мюндлере, как „о торговце художественными произведениями“ (по поводу портрета van der Cooyhen'a). В действительности, этот портрет лишь входил в его личное собрание. См. M o e s, Frans Hals. 1908.

5) Здесь Мюндлеру непосредственно принадлежат следующие небольшие заметки Aequisti, Ademollo, Aegerts, Agrate, Agresti, Alba, Alboni, Aldis. См. также Vorbericht über den Plan des allgemeinen Künstler-Lexicon von Julius Meyer. Leipzig, 1872.

плеяды Ваагена, Бюржè, Виардо, Боде и др. Мюндлер в течение своей жизни успел побывать во всех мало-мальски значительных музейно-художественных центрах Англии, Австро-Венгрии, Нидерланд, Германии и даже в Петербурге (в 60-х г.г.)¹⁾. В Италии же он был всего 13 раз, исколесив ее вдоль и поперек. Каждое посещение им музея вызывало на спор, на новые атрибуции и открытия и вдохновляло музейный персонал к дальнейшей плодотворной работе. Таким образом, реальный след Отто Мюндлера в художественном музееведении неизмеримо значительнее того, что непосредственно сохранило нам его на редкость скромное авторское перо.²⁾

М. Фабрикант.

Otto Mundler, célèbre connaisseur de l'art à Paris au milieu du XIX siècle, qui a participé dans les grandes acquisitions de la Galerie Nationale à Londres. Le rôle de Mundler est encore plus important dans la nouvelle appréciation des objets d'art des musées européens, le Louvre y compris. C'est encore Mundler qui a pris part dans l'édition du premier dictionnaire scientifique des artistes par Meyer.

---

1) По наведенным нами справкам в дневнике Картинной Галереи Эрмитажа не имеется никаких записей, связанных с именем Мюндлера, который несомненно был в Эрмитаже.

2) Подписывался Мюндлер обычно двумя буквами О. М. или греческими *ou*. Будучи в духе времени „итальянистом“ по преимуществу, Мюндлер тем не менее обладал обширнейшими познаниями и в области северного искусства. Так, первая научная монография о Дюрере (Таузинга), именно, ему обязана рядом специальных сведений. См. W. Waetzold. *Deutsche Kunsthistoriker*, II Band (1924) S. 124. Его качественные оценки, как напр. работы Гирляндайо (ср. 3-ье и 10-е изд. „Cicerone“, S. 883 и 708), так и прямые атрибуции сохраняют свое значение до сих пор; см., напр., о конном портрете Веласкеза в Шлезгейме (*Der Cicerone in d. Pinakothek, von Hirt und Muther*, S. 192), женском портрете, приписывавшемся Парису Бордоне и признанном им копией 19 века (*ibid.* S. 91, *Ann*) или о портрете работы Якопо де Барбари в Лувре (*Fr. Wickhoff. Les écoles italiennes au Musée de Vienne*, — в *Gaz. d. Beaux Arts*. 1893, p. 6).

Хроника Этнографо - Археологического музея Этнологического факультета 1-го М. Г. У.

1 марта 1926 г.—1 января 1927 г.

Десятимесячный период жизни и деятельности Музея, протекший со времени опубликования его „отчета“ (по 1 марта 1926 г.), внес расширение как в личный состав, так и в коллекции музея, в его библиотеку и лаборатории. При заведующем музеем был создан Ученый Совет музея, в который вошли представители от отделений Этнол. факультета: от Этногр. Отд. проф. П. Ф. Преображенский, от Лит. Отд. проф. А. С. Орлов, от Ист.-Арх. Отд. препод. А. С. Башкиров, от Отд. Изобраз. Иск. препод. М. И. Фабрикант; кроме двух существующих помощников хранителя, были назначены еще два ассистента, М. В. Алпатов и Н. И. Брунов.

Музей пополнялся по прежнему путем приобретения, даров и административных перечислений. Особенно богато было последнее. Из отделения музея в г. Егорьевске, Московской губ., переданного городу, были изъяты предметы (всего в количестве 1341), наиболее важные и интересные для преподаваемых на Этнолог. факульт. дисциплин. Особенно надо отметить пополнение предметами по этнографии китайской, монгольской, египетской, нубийской, абиссинской, суданской, персидской, грузинской, мордовской, северо-американских индейцев, японской и отчасти моравской. Кроме того поступило и несколько памятников Др. Египта (маски и части пелен мумий, ритуальные изображения божеств мертвых и др.). Множество предметов относится к великорусской этнографии (костюмы, уборы, украшения, музыкальн. инструменты), народному искусству (особенно выдаются одиночные сани богатой резьбы XVIII в.), церковным древностям; значительный интерес представляют старопечатные издания виленской, киевской и московской печати XVI—XVII в.в., костяные изделия, стекло, фарфор, прекрасные русские костюмы и головные уборы XVIII в., шитые золотом, медная и оловянная посуда, эмаль, фаянс, музык. инструменты, железные изделия, бисер, шитье по шелку (особенно интересны вышивки человеческими волосами), изразцы XVII—XVIII в. и т. д.

Приобретено было 96 предметов, среди которых надо отметить евангелие 1574 г. печати Петра Мстиславца, рукопись XVI в. с миниатюрой, золотую запонку с гравиров. портретом, ряд предметов русского лака, персидский лак, дерев. резные ножны немецкой работы 1586 г., арабские диргемы X—XI в.

Экспедицией Этнол. факультета (студ. Девлет, Баскаков и Иванов) привезены для музея полный костюм Кара-Калпака—музыканта, с его инструментом и вещами домашней обстановки, всего 14 предметов.

От студ. Барского, командированного к Самоедам, получены из Тунской тундры 15 предметов одеяния, обуви, домашних вещей и ритуальных изображений.

В дар музей получил от архит. А. А. Иванова-Терентьева чашку с блюдцем и крышкой—первый Сакс (начало работы этой фабрики), от Д. С. Айзенштат—3 роговых табакерки с резной инкрустацией, от ст. Девлета—восточный шлем, от проф. Сабанина—11 алюминиевых и железных немецких монет 1917—1923 г., от проф. В. К. Трутовского—11 бронзовых скифских наконечников стрел из Букивской орды.

В музее занимались и пользовались для лекций его предметами—проф. А. И. Некрасов, проф. А. А. Сидоров, проф. А. В. Бакушинский, препод. М. И. Фабрикант, проф. А. С. Орлов, проф. Б. П. Денике, препод. Е. А. Столяревский и проф. В. К. Трутовский. Из сторонних музеев лиц занимались—инспектор постановок Лет. С. П. С. Н. Ф. Аксагарский, Ю. А. Бахрушин—для постановки „Царской Невесты“ в муз. студии им. Станиславского, библиот. Концесс. В. А. Барут.

В музее работали при установке предметов из Егорьевска студ. Некрасова, Анненкова, Снегирев, Яковсон, Буржинская, Журов, Кронман, Лисенко, Мануйлова, Никифоров, Иванов.

Пополнение библиотеки в отчетном периоде шло с большой интенсивностью. Всего поступило за это время книг и журналов 600 названий, из коих из Егорьевска передано 216 и получено в обмен и дары от музеев Грузии, Дагестана, Троице-Сергиевского, Калужского, Изящных Искусств, Nordiska Museet, Академии Истории Материальной культуры—40, и от отдельных лиц—проф. А. И. Некрасова, арх. А. А. Иванова-Терентьева, зав. музеем Донского монастыря А. И. Леонова и проф. В. К. Трутовского—16.

Продолжался разбор и систематизация книг, в коей принимали участие студенты Анненкова, Журов, Иванов, Некрасова, Никифоров и практикантка ЛИТО Катагощина.

По лаборатории в настоящее время имеется всего 5900 репродукций, из коих за отчетное время поступило между прочим 796 диап. по этнографии от Этнографического Кабинета и от проф. В. Н. Харузиной.

Много фотографий, снимков и негативов поступали вновь в зависимости от проведенных экскурсий и специальных поездок. Так сделаны снимки всех значительных памятников древнего зодчества городов Московской губернии.

По приведению в порядок и определению немых фотографий работали практиканты студенты—Чегодаев, Гершензон, Гурвич.

Инвентарь музея пополнился новыми витринами, шкафами, стеллажами, аппаратами, объективами и разными приспособлениями для фотографической работы. Однако помещение музея и его оборудование остаются более, чем недостаточными.

За отчетное время были организованы экскурсии студентов под руководством профессоров А. В. Бакушинского, А. И. Некрасова и Е. А. Столяревского, при участии помощников хранителя О. И. Лавровой и Е. М. Томиловской. Всего проведено 12 экскурсий с 40 студентами. Кроме того пом. хранителя О. П. Лаврова собирала, по заданиям музея, этнографические наблюдения в Кахетии, а также изучала музеи Грузии, а студ. Яковсон получал командировки в Херсонес и Керчь.

Проф. А. И. Некрасов изучал художественные древности городов Московской губ., при участии помощн. хранит. Е. М. Томиловской.

Ассистенты М. В. Алпатов и Н. И. Брунов работали над систематическим исследованием художественных памятников Москвы.

За отчетный период музей выпустил свои „Труды“, в состав которых вошли статьи: проф. В. К. Трутовского—Векша, веверицы и бела; проф. А. А. Сидорова—неизвестный рисунок Пьетро да Кортоня; проф. А. И. Некрасова—О принципах образа в русской народной скульптуре; асс. Н. И. Брунова—Собор Соввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода; асс. М. В. Алпатова—Иконы Вознесения б. собрания Рябушинского и студ. М. А. Ильина—Псевдоготическая усадьба Московской губ.

В. Трутовский.

Chronique du Musée.

Durant la période du 1 Mars 1926 au 1 Janvier 1927 les collections du Muse Ethnogr. Archéolog. se sont considerablement enrichies, grâce sur tout aux deux expeditions faites par quelques étudiants de la 1-re Université de Moscou, dont l' une chez les samojedes, la seconde au pays autonome des Kara-Kalpaques, dans l' Asie Mineur. D' autre part la liquidation du Musee filial de Egorievsk (gouv. de Moscou), a procure plus de 1400 objets d' Art d' Archeologie et d' Ethnographie du plus haut intérêt.

La Bibliotheque adjointe au Musée s' est également accrue de plus de 600 ouvrages (monographies et Journaux scientifiques) achetés par le Musée ou bien provenant de donations privées et d' échanges avec différentes institutions scientifiques de Russie.

Quant à la section de reproductions photographiques, elle a été augmentée surtout par des diapositives ethnographiques (plus de 700 №№) ainsi que par l' acquisition de photographies détachées et différents albums et éditions de gravures, photos etc.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Проф. П. Ф. Преображенский. К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии	3
Проф. А. Н. Максимов. Палланцы и Укинцы	8
„ „ Пахание реки	15
Проф. А. С. Орлов. Юго-славянский текст в русской переписке	21
Преод. А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года	25
Проф. Б. П. Денике. Об одном до-монгольском памятнике Средней Азии	41
Студ. В. Чепелев. Пещерный храм в Инкермане	43
Проф. А. И. Некрасов. Несколько слов о рыбинских древностях	47
Асс. Е. М. Тамиловская. Костяная пластинка первой половины XVIII в. . . .	50
Асс. О. И. Лаврова. Миниатюрная гравюра первой половины XIX в.	53
Преп. М. И. Фабрикант. Отто Мюндлер	55
Проф. В. К. Трутовский. Хроника Этнографо-Археологического музея	58

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
О Т Ч Е Т
Этнографо-Археологического Музея

Москва — 1926 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

В в е д е н и е

- Проф. А. И. Некрасов. Статуи-скворешни.
„ В. К. Трутовский. Рязанские пломбы.
Практикант Л. М. Баранова. Финифтяная пряжка.
Ассистент О. И. Лаврова. Хроника Музея.
-

Т Р У Д Ы
Этнографо-Археологического Музея

Москва — 1926 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

В в е д е н и е

- Проф. В. К. Трутовский. Векша, веверицы и бела.
„ А. А. Сидоров. Неизвестный рисунок Пьетро да Кортоня.
„ А. И. Некрасов. О принципах образа в русской народной
скульптуре.
Асс. Н. И. Брунов. Собор Соввино-Сторожевского монастыря близ
Звенигорода.
Асс. М. В. Алпатов. Иконы Вознесения б. собрания Рябушинского.
Студ. М. А. Ильин. Псевдоготическая усадьба Московской губ.
-
-

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
в И з д а т е л ь с т в о 1-го М. Г. У

Москва, Моховая, 11.

1971

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ИЗДАТЕЛЬСТВО 1 М. Г. У.
МОСКВА, ЦЕНТР, МОХОВАЯ 11.